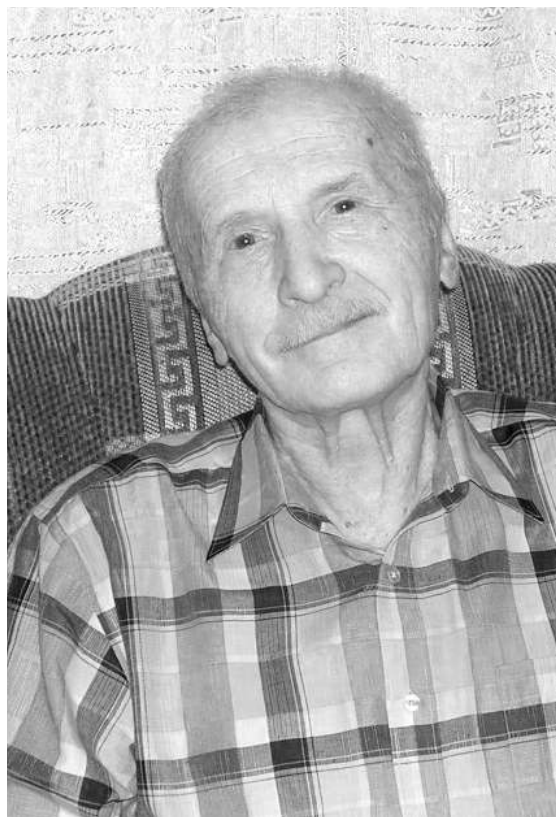

Будучи литератором, пишущим прозу, честно признаюсь: больше люблю читать поэзию и, чтобы как-то напитаться её современными ритмами и мыслеобразами, стараюсь следить за текущей поэзией, хотя, разумеется, читать её всю просто невозможно—из-за её просто необъятного словесного обилия и очень уж усреднённого, а то и вовсе невысокого профессионального уровня: ведь во множестве регионов России—в её культурных столицах, республиках, краях и областях—живут и трудятся ныне, несмотря на невероятные финансовые сложности и проблемы печатания, тысячи и тысячи российских поэтов. И всё-таки из всех ныне живущих и работающих поэтов я бы, пожалуй, выделил одного—новосибирского поэта, переводчика, публициста и эссеиста Юрия Михайловича Ключникова: не только потому, что он, по-моему, самый старейший из них—24 декабря 2020 года ему исполнилось 90 лет, и не только потому, что встретил он свой столь солидный юбилей продолжающим активно работать,—а потому ещё, что свой юбилей он встретил огромными творческими итогами, причём итоги эти восхищают меня не только их обилием, а ещё и культурно-исторической значимостью их, своего рода духовным подвигом свершённого, благодаря чему к моему восхищению примешивается ещё и невольное удивление: неужели одному человеку посылно совершить в течение своей жизни такой поистине необъятный акт духовного (я бы даже, точнее, сказал—духовно-культурного) подвижничества?

На Руси всегда был силён и популярен, даже почитаем ореол духовного подвижничества, в том числе и—подвижничество русских писателей; вспомним хотя бы имена Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова (с его поездкой на Сахалин и «отчётной» книгой «Остров Сахалин»), вспомним писателей-публицистов XIX в. с их «хождением в народ», вспомним русских религиозных философов начала XX в., частью высланных на «философских пароходах» и скитавшихся затем и нищенствовавших на чужбине, но не отступивших от поиска истины, а частью—оставшихся в Советской России и подвергнутых затем жесточайшим репрессиям.

Однако во второй половине XX в., особенно во время постсоветское, явление подвижничества

Юрий Ключников

сильно поколеблено, да почти уже и тихонько сходит на нет; ведь для этого явления нужны несколько условий, и среди них—как минимум хотя бы три: во-первых, наличие масштабных личностей, одновременно имеющих и талант, и мужественный характер, вмещающий в себя огромные духовные и душевные силы и мощную заряженность на бескорыстное служение своему народу; во-вторых, потребность общества в таких подвижниках, особенно в переломные, «тёмные» эпохи жизни народа; и в-третьих—понимание обществом огромного просветительского и воспитательного значения подвижничества как образцов для подражания, даже придание ему ореола святости.

Однако, несмотря на то, что два последних условия из перечисленного мною минимума их

в наше время как-то не просматриваются, всё-таки подвижничество у нас в России, похоже, исчезло ещё не до конца; один из примеров тому — творчество Ю. М. Ключникова. Хотя какой там ореол святости, особенно в наше-то постсоветское время, когда и условия рождения, и обстоятельства жизни к этому никак не располагают, и в то же время всякое истинное подвижничество если и не осмеивается цинично — то, во всяком случае, тупо замалчивается или вовсе не замечается? И всё-таки вопреки всему — или наперекор всему? — Ю. М. Ключников, как я считаю, стал настоящим подвижником, и я горжусь и восхищаюсь своим земляком: ведь я родился и вырос в Новосибирской области — стало быть, законно считаю себя его земляком.

Но как всё-таки становятся духовными подвижниками в наше время?

О, это путь длинный и необыкновенно трудный! Да, впрочем, думаю, любой (или, во всяком случае, почти любой) путь восхождения к духовному подвижничеству длинен и труден, и часто — отнюдь не прям, а очень даже извилист.

А теперь давайте проследим вместе, хотя бы пунктирно, жизненный путь и путь духовного восхождения нашего героя, Юрия Михайловича.

Родился он в 1930 году в маленьком старинном городке Лебедин на территории нынешней Восточной Украины, в Сумской области, в семье городского ремесленника с фамилией-прозвищем Ключник, скорей всего указывающей на слесарное ремесло отца; при советской паспортизации прозвище превратилось в фамилию Ключников. Семьи, в которых родились родители Юрия, — традиционно огромные: у отца — семеро братьев и сестёр, у матери — девятеро. При этом вокруг — туго, неразрывно сплетённая русско-украинская языковая стихия, где всё прекрасно понимали украинскую «мову», но говорили на русском. Образование родителей — начальное, однако в доме имеются книги с украинской и русской классикой, которые читаются и детьми, и взрослыми; так, первое, младенческое воспоминание Юрия: мама читает ему, трёхлетнему, «Руслана и Людмилу».

А вы обратили внимание на дату рождения? 1930 год, разгар коллективизации в стране, и как следствие этой коллективизации — «голодомор», охвативший самые хлебодородные районы страны: южные районы России и Украины, Черноземье, Поволжье. В поисках работы и сносного пропитания семья Ключниковых мотается по западной части страны: Минск, Одесса, Харьков.

Харьков — большой красивый город с высокой культурой; до 1934 года — столица Украины; в нём семье удалось закрепиться надолго. Там Юра пошёл в школу, окончил четыре класса, в каждом классе получая похвальные грамоты за отличную учёбу.

В 1941 году, уже через несколько дней после нападения Германии на Советский Союз, начались ночные бомбардировки Харькова; одновременно с бомбардировками началась эвакуация на восток промпредприятия вместе с техническим персоналом и их семьями; так семья Ключниковых оказалась, в конце концов, далеко на востоке страны, в Сибири, в небольшом тогда, прокопчённом рабочем городке Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области...

Биографы Ю. М. Ключникова непременно упоминают о его тяжёлом военном детстве и трудной послевоенной юности: бытовая теснота, неустроенность, недоедание; вместе с учёбой — тяжёлый труд на заводе почти наравне со взрослыми... Но позвольте: по-моему, каждые девять из десяти детей и подростков военного времени всё это неизбежно испытали на себе; как оказалось потом, при исследовании творческих биографий известных советских деятелей культуры второй половины XX в., в том числе и поэтов-«шестидесятников», многие из них годы своего детства или отрочества во время воев провели в суровых бытовых и климатических условиях эвакуации в Сибири или на Урале, причём эти условия только закаляли их характеры и дали им массу сильных дополнительных впечатлений, которые потом стали мощной подпиткой в их творчестве. Так что в бытовом отношении жизнь подростка Юры Ключникова в эвакуации ничем не отличалась от жизни его сверстников.

И всё-таки отличия от сверстников у Ключникова-подростка были. Вот вам, пожалуйста: в 1941 году, в 11 лет, он написал своё первое стихотворение и после него, кажется, уже не переставал писать их никогда — оно определило направление его духовных исканий на всю остальную жизнь: в 13 лет он осмеливается послать одно из своих стихотворений в Новосибирск, в единственный тогда в Сибири толстый литературный журнал «Сибирские огни»; стихотворение не напечатали, но прислали оттуда короткую, однако вполне серьёзную рецензию с практическими советами; в четырнадцать начинает заниматься в городском литературном кружке, которым руководит «настоящий» писатель; в 1945 году, в пятнадцать, состоялась его первая публикация в городской газете; стихотворение, естественно, было посвящено Победе. А по окончании средней школы он поступает в Томский университет. Естественно, на филологическое отделение.

Все эти биографические данные о нём я почерпнул из его биографической книги «Предчувствие весны» (М., «Беловодье», 2017). Честно признаюсь: я прочитал эту книгу, несмотря на её солидный объём в шестьсот с лишним страниц, взахлёб — словно авантюрно-приключенческий роман. Она имеет подзаголовок «Воспоминания

и размышления поэта о времени и судьбе» и состоит из отдельных очерков, в которых автор действительно рассказывает об истории своей жизни: о своём происхождении, родственниках, детстве и всей своей последующей жизни; но одна из главных её тем — очерки о встреченных им в жизни людях, в разной степени повлиявших на его судьбу, причём очерки эти глубоко насыщены чувством необычайной благодарности к ним. Однако особенная благодарность автора — к его университетским преподавателям. Дело в том, что Томский университет, будучи старейшим сибирским вузом, с самого его основания в XIX в. и поныне — мощный культурно-интеллектуальный центр Сибири; недаром он носит неформальное звание «Сибирские Афины»; к тому же волею судьбы в военные и послевоенные годы в нём собрался мощный коллектив сосланных и эвакуированных, а позднее ставших известными на всю страну учёных-интеллектуалов; именно в этой атмосфере довелось учиться и накапливать свой духовно-интеллектуальный багаж студенту Юрию Ключникову.

Ну а по окончании университета, естественно, — поиск им своего места в жизни и одновременно заработка, чтобы прокормить себя и свою семью: учительство и директорство в сельской школе, радио- и газетная журналистика сначала в Кемеровской области, потом в Новосибирске, причём жизнь его, как у всех молодых людей его поколения — вначале неустроенная, постепенно налаживается: он нащупывает и находит в ней наконец своё место.

Между тем молодой Юрий Ключников — полностью продукт советской эпохи: в детстве — юный пионер, в юности — комсомолец, позднее он вступает в коммунистическую партию. А поскольку любая журналистская деятельность в те годы осуществлялась под строгим неусыпным оком идеологических служб КПСС, в то время как молодой Юрий Ключников оказался талантливым, ярким и в то же время идеологически выдержанным журналистом, — журналистская его деятельность была идеологическими службами замечена, а самому ему предложена учёба в Москве, в ВПШ (в двухгодичной Высшей партийной школе при ЦК КПСС), на отделении журналистики.

Что это давало молодому человеку? Ну, во-первых, получение второго диплома о высшем образовании, причём не где-нибудь, а в столице! — и возраст ещё позволял учиться дальше; а во-вторых, это второе образование сулило в будущем гарантированное место и в журналистике, и в высших эшелонах партийной власти. При этом — стипендия, полностью компенсирующая зарплату журналиста. И, взвесив все «за» и «против», Ю. Ключников охотно соглашается.

Учёба в ВПШ широко распахивает горизонты его знаний и взглядов. «Нам читали лекции...

не только преподаватели ВПШ, довольно серые по уровню, в марксистских рассуждениях которых чувствовались усталость, сухость, догматичность. Я старался избегать этих лекций, часто просиживая в библиотеке... — признаётся он в своих «Воспоминаниях». — Недостатки „своих“ преподавателей компенсировались приглашёнными лекторами, среди которых были известные стране партийные и советские руководители, дипломаты, писатели, учёные, артисты, космонавты...» Кроме того, он самостоятельно изучает и совершенствует там иностранные языки, читает в подлинниках американские и французские газеты; на библиотечных полках стоят в свободном пользовании Шопенгауэр, Ницше, Фрейд, Камю, Сартр и т. д. — и он с жадностью набрасывается на всё это богатство; он берётся за усиленное изучение древнегреческих, древнеримских авторов...

Но там же, в ВПШ, он испытал однажды, в рождественскую ночь 1965 года, странное состояние. Сам он описывает его так: «Сидел в общежитии, в полутьме, в одиночестве. И вдруг в мою комнату словно хлынул какой-то свет... В комнате запахло цветами. Голова сделалась совершенно ясной. Мне почудилось, нет, я чётко почувствовал в комнате чьё-то присутствие... И в голову пришла мысль: „Ты сам не знаешь, что ищешь. Но это есть...“». Это было религиозное чувство, ещё неясное, и он почувствовал, что пусть подспудно, неосознанно, но всегда был православным христианином. Своё тогдашнее состояние он назвал «Фаворским светом», сошедшим на него; с тех пор оно приходило к нему не однажды; оно постепенно влекло его к мыслям о Нём, к переживанию радости движения души к Нему. Но путь к Нему был ещё далёк.

По окончании ВПШ он возвращается домой, в Новосибирск, продолжает работать на радио, потом — в Западно-Сибирской студии кинохроники, потом, с 1977 года, — в новосибирском издательстве «Наука», обслуживавшем СО АН СССР.

Здесь, в этом издательстве, имея дело с профессиональными учёными-востоковедами, с практикующими бурятскими ламами, со старинными фолиантами буддийской литературы, он основательно знакомится с буддизмом, а буддизм, в свою очередь, помогает ему выйти на литературные труды Н. К. и Е. И. Рерихов и на разработанное ими учение Живой Этики.

Идеи Живой Этики, то есть идеи нравственного пробуждения и совершенствования человека и восхождения его по ступеням земной и космической эволюции, настолько увлекли его, что у него появилось страстное желание поделиться этим учением со всем миром, включая партийные власти: ведь это же так просто — следовать этому учению, совершенно понятному для всякого разумного человека, тем более что в стране — это был конец 70-х гг. XX в. — явно нарастал тяжелейший

нравственный кризис: накапливались иницируемые властями всеобщие ложь и бездуховность, народ спивался, заражался примитивным «вещизмом» и тащил с работы всё, что только можно было унести, молодёжь равнялась на западную потребительскую модель жизни, и как следствие всего этого — страна, явно проигрывая в многолетнем противостоянии Западу, быстро катилась к саморазрушению, а партийная власть ничего этого видеть упорно не желала, в то время как вразумить её ещё было не поздно.

В новосибирском Академгородке к этому времени сложился большой самодеятельный кружок серьёзных учёных (причём многие среди них — члены КПСС), по крупицам собиравших и изучавших литературу по буддизму, индуизму, даосизму, духовной практике раннего христианства — исихазму, а также литературу по духовному наследию Н. К. и Е. И. Рерихов, Е. П. Блаватской, Г. И. Гурджиева. К этому коллективу примкнул и Ю. М. Ключников, став его активным участником.

В этом кружке, в свою очередь, сложилась рабочая группа, решившая под эгидой СО АН СССР разработать «Записку» с рекомендациями для руководящих органов КПСС по нравственному совершенствованию деятельности партии на основе объединения коммунистических идей с идеями Живой Этики, причём — ни в коем случае не подменяя коммунистическую идеологию идеями Живой Этики, а всего лишь дополняя эту идеологию и таким образом одухотворяя и этим усиливая её. Ю. М. Ключников, как опытный редактор серьёзного издательства, да к тому же ещё и профессиональный литератор, оказался одним из главных разработчиков и редактором этой «Записки». Кроме того, на эту же тему он написал ещё и личное письмо и отправил его в ЦК КПСС.

Между прочим, в марксизме-ленинизме, как и во всяком революционном учении, напроць, можно сказать, отсутствовала этическая составляющая, и в 60–70-е гг. XX в. многие, в том числе и сами коммунисты, стали об этом задумываться; даже термин такой предлагался — «социализм с человеческим лицом»; однако советские партийные руководители люто возненавидели этот термин — как «попытку ревизии марксизма-ленинизма».

Естественно, реакция на «Записку» в новосибирские партийные органы была быстрой: она была расценена ими как попытка «ревизии марксизма» и «идеологическая диверсия». Это было одно из самых страшных обвинений в стране, и «дело о враждебной вылазке» закрутилось: начались «разборки».

Почти все подписанты «Записки» в результате «разборок» покаялись в содеянном; ввиду того, что времена были уже почти либеральными, никого в застенки не бросали и рук не выкручивали — всех раскаявшихся лишь понизили в должностях, и они

продолжали трудиться в своих научных организациях, а в дальнейшем выросли в крупных учёных. Но один из них оказался упрямцем: все обвинения парировал и считал себя не просто правым, а обязанным, как честный коммунист, дать свои соображения по одухотворению марксизма и совершенствованию программы КПСС, чтобы уберечь её от неминуемого развала. Это был Ю. М. Ключников; в отличие от столичных диссидентов, наш сибирский диссидент боролся не против существующей власти — он боролся за то, чтобы власть эта стала умней и, стало быть, сильнее. Но она уже настолько деградировала, что её адепты не желали ни во что вникать и подобные вопросы решали «автоматом».

Он выдержал более 70 партийных собраний и заседаний парткомов разных уровней. Ему выносили партийные выговоры и пытались обвинить в психическом нездоровье; по ходу разбирательства за ним выяснился другой страшный грех: он, оказывается, ещё и верит в Бога! Это было последней каплей: он был исключён из КПСС и изгнан из издательства (правда, в дальнейшем всё-таки добившись возвращения в КПСС).

Но надо было как-то жить дальше, а на работу с таким «ужасным клеймом» в биографии никто не принимал; единственное место, куда его взяли, — грузчиком на хлебозавод, и он 6 лет вручную грузил хлеб в машины-хлебовозки, по 30 тонн свежего хлеба в смену (это уже в пятьдесят-то с лишним лет!), да ещё исполняя при этом должность бригадира грузчиков, на которую назначен был за добросовестный труд. А общим счётом занят был физическим трудом, работая вместе с алкашами и бывшими уголовниками, около 10 лет.

Позже он вспоминал о своей новой работе так: «...Этот период своей жизни я благословляю: истинно духовную, да ещё и физическую закалку получил именно тогда». Но о какой духовной закалке, помимо физической, идёт речь? Он поясняет: «Руки работают, голова отдыхает, душа творит. Собственно, как поэт я состоялся после 50 лет жизни... именно на этой работе».

Да, именно в тот самый период — поскольку посменная работа чередовалась целыми сутками отдыха, а физическая нагрузка освобождала голову от иных забот — началась его плодотворная поэтическая работа и стихи его стали публиковаться в областных и столичных журналах; публикации эти постепенно собирались в поэтические сборники, и с некоторой регулярностью сборники эти начали выходить. Последовало вступление в Союз писателей; появилась известность; начались поэтические выступления.

О чём он пишет в своих стихах? Тематика их необыкновенно широка; тут и пейзажная, и городская, и гражданская, и героическая, и философская лирика; да, философская лирика занимает

значительное место в его творчестве, причём философия в его стихах — отнюдь не бытовая, «диванная», и в то же время — далёкая от кабинетных философских «измов»; это взгляд на окружающую его жизнь и на мироздание в целом человека, мыслящего глубоко и резко индивидуально.

В своих «Воспоминаниях» он пишет о том, как, будучи подростком и читая много поэтических книжек, неожиданно для себя наткнулся в провинциальной библиотеке на стихотворный сборник, с первых же строк завороживший его музыкой стихов. Это была книжка под названием «Сестра моя жизнь» неведомого ему доселе автора — Бориса Пастернака. Причём, как пишет Юрий Михайлович далее, «его (*Б. Пастернака*. — А. А.) поэтическое творчество, как и проза Шолохова, по сей день остаётся для меня эталоном советского периода русской литературы».

Да, хотя автор названного выше стихотворного сборника и призывал: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / В неслыханную простоту», — сам-то он шёл к этой «неслыханной простоте» необычайно сложными путями, через удивительную, просто головокружительную усложнённость своих тем и образов; поэтика же Юрия Ключникова — будто он усвоил совет старшего собрата сразу и всегда — от раннего творчества и поныне тяготеет к простоте и ясности поэтической мысли, к трогательной, иногда просто беззащитной обнажённости поэтического образа, так что его поэтика, на мой взгляд, ближе к поэтике великого реалиста в поэзии и прозе, «мастера необычайно точных и тонких запечатлений» (по словам А. Твардовского) Ивана Бунина.

В японском литературоведении, так не похожем на европейское, есть понятие *макто*; дословно переводится оно на русский язык одновременно и как «дело», и как «правда», «истина»; в художественной же литературе *макто* обозначает реальную, истинную красоту явлений жизни и чистых, искренних побуждений и чувств человека. Всё это я говорю к тому, что я вижу поэтическое творчество Юрия Ключникова именно в таком вот ракурсе — ракурсе японского *макто*.

Но у меня, его младшего собрата по литературному цеху, да к тому же ещё и не поэта, возможно, не хватает компетенции, чтобы реально оценить итоги его поэтического творчества, — а потому предоставлю здесь ещё несколько коротких (чтобы не злоупотреблять вниманием читателя) выдержек из оценок его поэзии, принадлежащих авторитетным российским критикам и поэтам второй половины XX в. и начала века XIX, которые я нашёл в предисловиях и послесловиях к его поэтическим сборникам: «Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России» (Вадим Кожин, 2000); «Тысячи своих строк он (*Ю. Ключников*. — А. А.)

выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардистские уловки» (Лев Аннинский, 2010); «Юрий Ключников — один из самых умных и глубоких литераторов нашего времени» (Феликс Кузнецов, 2015)... Но, пожалуй, ярче и убедительней всех сказано о нашем герое в следующей выдержке: «Уверен, что такие, как Юрий Ключников, — это и есть наша Троя, наша Брестская крепость русской литературы, не сдающаяся никакому врагу и даже не замечающая их, идущая своим тяжёлым и чистым путём. Это наши Одиссеи, затягивающие своё возвращение на родину-Русь до её полного очищения, это наши Моисеи, ведущие своих читателей не спеша, через возвращение назад, к нашему великому прошлому, в русское будущее, не растеряв по пути тот душевный сухой остаток, который и составляет суть каждой нации. Он и сегодня бредёт со своими стихами и мыслями, молитвами и прозрениями по пространству и нашей поэзии, и нашей жизни, „весёлый странник золотого русского века“, то ли пришедший к нам из прошлого, то ли зовущий нас в будущее» (В. Бондаренко; из предисловия к книге стихов Ю. Ключникова «Годовые кольца», Москва, 2006).

И всё же, смею думать, поэтическая судьба Юрия Ключникова — обычная судьба талантливого, высокопрофессионального провинциального поэта. Каждый из таких поэтов вполне мог бы принести славу любой стране мира — но что делать, если Россия с необыкновенной щедростью рождает их в избытке?

Сам он порой сетует, что его отказываются публиковать в «престижных» столичных журналах: не «мейнстрим». Но в «мейнстриме» «работают» нынче сотни (если не тысячи) стихотворцев, и всем, даже «мейнстримным», в «престижных» журналах не хватает места, тем более что в России нынче нет «престижных» журналов: все они, от С.-Петербурга до Владивостока, — примерно на одном уровне и в одинаковом положении (хотя сами себя таковыми, возможно, и не считают).

Вы же, Юрий Михайлович, заняли свою, вполне достойную, только Вам предуготованную нишу в русской поэзии второй половины XX в. и остались сами по себе, резко индивидуальным, не в толпе «мейнстрима».

Однако жизнь талантливого российского поэта, даже сложная и трудная (особенно если учесть 90-е гг. — время развала одной страны, СССР, и появления новой, России), — ещё не подвижничество, хотя толчком к подвижничеству для Ю. Ключникова стало именно это самое, сложное и трудное, время: ведь оно было ещё и временем освобождения от догм, навязанных предыдущей эпохой, и временем полной свободы выбора. И оно дало мощный толчок Ю. Ключникову-поэту

к подвижничеству—но подвижником ещё не сделал. Подвижничество пришло позже. А пока, в самом конце 80-х, все 90-е и в начале 2000-х гг., он со всей страстью души углубляется в идеи Живой Этики.

Но для кого-то познание Живой Этики (как и любого другого мировоззрения)—всего лишь цель. Для человека мыслящего и деятельного—это Путь. Путь к познанию самого себя. Источник силы и энергии. Инструмент свершений.

Вместе с глубоким изучением Живой Этики Юрий Михайлович погружается в её первоисточники: в книги по древней культуре Индии, её метафизике, по теории и практике индуизма, буддизма, йоги. Книг этих в свободной продаже пока что нет, и он, увлечённый этой темой, создаёт в Новосибирске издательский кооператив «Алгим» (Алтай—Гималаи), который издаёт труды Рерихов, Блаватской, Чижевского. Вместе со своими единомышленниками он участвует в создании Новосибирского отделения общества «Индия—СССР»; при этом обществе по мере либерализации в стране они открывают ещё и секцию по изучению Агни Йоги, затем—самостоятельное Сибирское Рериховское общество.

Мало того, он совершает общим счётём 6 поездок в Индию; начав знакомство с ней с мест проживания там Рерихов (ставших после смерти Рерихов-старших рериховскими мемориалами), он объезжает затем всю Индию, побывав во многих городах и посетив все самые известные исторические памятники и священные места Индии, знакомится и общается с индийскими мудрецами, с простыми верующими индийцами. А возвращаясь домой, в Сибирь, в поисках «места силы», «горного света» и мифического Беловодья начинает поездки в Горный Алтай, к высочайшей вершине Сибири (и одной из самых высочайших вершин России) Белухе (4509 метров).

Очарованный и вдохновлённый белоснежными вершинами грандиозного горного комплекса Белухи, кристальной чистотой ледниковых озёр, рек и водопадов и всей первозданной, почти нетронутой деятельностью человека природой Горного Алтая, он пишет посвящённые ему большие стихотворные циклы и прозаические эссе, а затем много ездит по стране с выступлениями, рассказывая о своих поездках и впечатлениях о них и вдохновляя публику своей страстной влюблённостью в Алтай... Всего за 13 лет им было совершено 10 путешествий к Белухе, и с каждым годом количество вовлечённых им участников этих путешествий росло, так что число их переваливало порой за сотню человек!..

И всё-таки не путешествия в Индию и на Алтай стали актами духовного подвижничества Юрия Ключникова; пока что все эти события были лишь частью творческой жизни обычного

советско-российского поэта второй половины XX в.

По-моему, первыми подступами к деяниям истинного подвижничества стали его близкое знакомство с жизнью индийского народа, внимательное изучение его верований и древней культуры и размышления по этому поводу.

Он пишет в своих «Воспоминаниях» о том, что более всего его поразило в жизни индийцев следующее факт: при крайней многолюдности и скученности народа этой страны в ней стоят совсем рядом, в близком соседстве, храмы совершенно разных религиозных культов и мирно уживаются десятки самых разных верований. Он изучает их, и результаты этого изучения и этих наблюдений ему очень хочется донести до россиян, научить их этому индийскому опыту, который складывался в течение нескольких тысяч лет. Так появилась его книга очерков «Я в Индии искал Россию. Странствия по Ариаварте» («Ариаварта»—страна ариев, название Северной Индии на санскрите.—А. А.). Причём прошу обратить внимание на эпиграф к книге. Это—высказывание знаменитого индийского религиозного философа XIX в. Вишвананды (ставшего всемирно известным благодаря книге о нём Романа Роллана): «Россия в будущем поведёт за собой весь мир, но путь ей укажет Индия».

Эта книга написана в форме отдельных очерков; в ней автор легко и увлекательно, с огромной любовью к предмету повествования, рассказывает о своих путешествиях по сакральным местам Индии, о встречах с индийскими гуру и беседах с ними, о месте религии в жизни индийцев, а также о наиболее древних и почитаемых верованиях Индии, причём подтекст этой книги—мысль о том, что хотя русский и индийский народы совершенно не похожи один на другой, однако у них есть одна очень важная общая черта: большая роль религии в глубинной жизни обоих народов.

Особенно впечатлил меня в этой книге один крохотный эпизод: после беседы с очередным гуру (на английском) этот гуру пригласил автора помолиться вместе с ним в храме; но поскольку автор не знал ни реального языка этого гуру, ни молитв на этом языке—то стал молиться на русском, обращаясь в молитве... к Христу. Что это? Кощунство? Отнюдь нет!.. Кстати, читая про этот эпизод, я вспомнил другую читанную мной книгу: известный советский писатель Леонид Пантелеев, соавтор знаменитой «Республики Шкид», бывший в детстве беспризорником, будучи в течение всей взрослой жизни очень набожным человеком, написал, ещё в советское время, книгу «Верую!», которая была издана небольшим тиражом в типографии Московского патриархата; в этой книге он, помнится, упомянул об одной своей проблеме: когда он в составе писательских групп

бывал в заграничных туристских поездках, то его очень мучило, что он по многу дней не может помолиться в церкви: его бы просто исключили тогда из Союза писателей, перестали печатать и никогда больше не пустили за границу; но когда руководитель на целый час отпуская группу для свободной прогулки: отдохнуть, полюбоваться городом, сделать фотографии, — вместо отдыха и любования городом группа всей толпой ломилась в очередной маркет; один Л. Пантелеев мчался бегом в ближайший храм — помолиться; и ничего, что храм был католическим или протестантским: Бог-то — один на всех!..

Вот эта книга Ю. Ключникова и стала, видимо, его первым шагом на пути духовного подвижничества, и путь этот: просветительство, страстное желание знакомить русского человека с мировой культурой, в том числе и книжной, — длится для него уже два с лишним десятилетия, и конца этого его пути пока что не видно.

Тут впору задать вопрос: а нужно ли русскому человеку столь серьёзное знакомство с мировой культурой? Не излишество ли это, не пустая ли это трата времени, особенно в наше время — когда людям навязывается рабская зависимость от рынка, от заработка, от бесконечного приобретения, в то время как на телевидении и в Интернете этим людям назойливо навязывается калейдоскопическое, поверхностное знакомство со всей мировой жизнью?

На этот вопрос хочется ответить мыслями Ф. М. Достоевского из его речи о Пушкине, произнесённой им в 1880 году, и из его предисловия к этой речи, в которых он говорит об одном удивительном свойстве русского человека: о его всемирной отзывчивости, его способности вместить в себя идею всечеловеческой братской любви, всепрощения и всеединения, в пример всем остальным европейским народам. Интерполируя эти мысли Достоевского в современность, мы должны признать, что эти человеческие свойства, им указанные, — главный, если не единственный, путь к самосохранению человечества. А развить эти свойства и в себе, и в народе, и во всём человечестве возможно только через познание и понимание «другого». Причём истинное, глубинное познание и понимание этого «другого» возможно только через культуру этого «другого», и в первую очередь через главную составляющую всякой национальной культуры — через спрессованные в книгах сокровища этой культуры: поэзию, прозу, философию, сказки, древние легенды, вероисповедные тексты, — всё, что составляет душу этого «другого», из чего душа этого «другого» складывается с младенчества кирпичик за кирпичиком...

За первой книгой у Ю. Ключникова в этом ряду появляется вторая — перевод на русский язык

памятника древнеиндийской литературы «Бхагавадгиты».

«Бхагавадгита», или просто «Гита», — сравнительно небольшая (700 двустиший-«шлок» — традиционной древнеиндийской формы стихосложения) часть грандиозного древнеиндийского эпоса «Махабхарата» (75 000 двустиший); однако в истории древних литератур мира едва ли есть другое сочинение, сравнимое с «Гитой» по популярности: в мире насчитывается более двухсот переводов её на многие языки Европы и Азии, в том числе — более 10 переводов (частями или целиком) на русский язык, начиная с XVIII и кончая началом XXI в. (кажется, последний переводчик её — Б. Гребенщиков, издавший свой перевод в 2020 г.).

В чём же причина такой её популярности?

Дело в том, что, во-первых, в «Гите», как ни в какой другой книге древнеиндийского эпоса, в сжатой стихотворной форме изложена вся философия индуизма — самой древней, фундаментальной религии Индии, из которой вырастают вся индийская культура, вся концепция индийского миропонимания и все остальные ветви индийских религиозных и философских учений, в том числе и самая мощная её ветвь — буддизм; во-вторых, в ней тщательно проанализированы все нравственные свойства и проблемы человеческой души, в том числе все её добродетели и пороки, вопросы жизни и смерти, и пути восхождения человека к бессмертию, к вечности; в-третьих, в ней много места уделено учению йоги как философии активной высоконравственной жизни. И наконец, в-четвёртых, «Гита» — это ещё и героическая поэма, воспевающая значение воинского долга и военных подвигов в истории народа.

Вот для того, чтобы иноязычный читатель смог познаться с духовными богатствами этого памятника культуры, и созданы многочисленные переводы его на другие языки. Кстати, специалисты отмечают заметное влияние её на творчество ряда европейских писателей и философов XVIII–XIX вв. (естественно, обогатившее их творчество); известно также, что «Гиту» внимательно читал Л. Н. Толстой (правда, во французском переводе). Известно также, что именно в ней впервые, чуть ли не на тысячу лет раньше, чем в Евангелии, прозвучала главная христианская формула: «Бог есть любовь», — так что открытым остаётся вопрос: случайно ли это совпадение — или есть непосредственная духовная связь между текстом «Гиты» и Евангелием?

Правда, у читателя русских переводов «Гиты» может возникнуть ещё один вопрос: а зачем множить количество переводов?.. Разумеется, заинтересованный читатель в состоянии нынче в любой момент приступить к чтению академического, почти дословного перевода её — все её переводы теперь легко доступны в Интернете. Но дело

в том, что неподготовленному читателю просто не под силу понять академический её перевод — настолько он нагружен труднопроизносимыми для русского читателя именами множества индийских богов, святых, царей, героев, и настолько этот текст нагружен поэтическими метафорами, непонятными современному читателю, требующими длинных объяснений. Мало того, в ней есть «тёмные» места, вероятно, хорошо понятные современникам автора «Гиты», написавшего её в глубокой древности, однако совершенно непонятные даже образованному индийцу уже спустя 500 или 1000 лет, и уж тем более 2 или 3 тысячи лет спустя, так что к настоящему времени только в Индии написано около 50 томов комментариев к ней, причём — дискутирующих между собой.

И наконец, трудность для чтения академического перевода составляет ещё и громоздкий стихотворный размер, которым написана «Гита», с его 16-слоговой строкой; ведь сама «Гита» создана главным образом для устного музыкального исполнения, но трудна для восприятия современным читателем. Мало того, часто бывает так, что переводчики, хорошо знающие переводимый текст, плохо владеют стихотворной техникой — не поэты! — и наоборот, хорошо владеющие стихотворной техникой переводчики недостаточно знают материал и допускают текстологические ошибки, в том числе и грубые, так что каждый последующий переводчик, как правило, старается учитывать все ошибки и недостатки предыдущих переводов.

К сожалению, среди предыдущих русских переводчиков «Гиты» не оказалось высокопрофессиональных поэтов; Юрий Ключников — пока что единственный из них; благодаря тщательному изучению предыдущих переводов он благополучно избегает ошибок своих предшественников. Мало того, в отличие от предыдущих переводов, его перевод выполнен с использованием легко усваиваемых рядовым отечественным читателем русской рифмы и русского стихотворного размера, с блестящим умением нашего весьма опытного поэта излагать самые сложные мысли и темы ясным, лаконичным поэтическим языком, так что, строго говоря, это уже не перевод — а переложение «Гиты» с горячим желанием непременно увлечь русского читателя чтением её. Как пример его перевода хочется привести здесь хотя бы несколько строк — начало поэмы:

На поле Куру — поле жизни —
Две рати выстроились к бою.
За тем, что есть, и тем, что будет,
Следят внимательные двое:
Один — Арджуна, воин знатный,
Искатель правды легендарный,
Другой — его учитель Кришна,
Господь, обличьем лучезарный.

Господь сказал:

«Вглядись, мой сын, солдаты луки
На землю ставят, выбрав цели.
Глаза надёжны, крепки руки.
Всё напряглось перед сраженьем.
На солнце блещут колесницы,
Ждут колесничие приказа,
Чтоб с неприятелем сразиться
На поле Куру беспощадном...»

Так что, судя по вступлению, автор перевода сумел с первых же строк создать напряжение в тексте, заинтересовывая русского читателя, широко распахивая перед ним двери в глубь поэмы, чего, как это ни странно, нет в других русских переводах.

Следующий шаг Юрия Ключникова в подвижнической деятельности на литературной ниве (сам он эту свою подвижническую деятельность скромно называет «переводческим проектом») — его книга переводов из французской поэзии XII–XX вв. под названием «Откуда ты приходишь, красота?» (450 стр., Москва, издательство «Беловодье», 2015). Кстати, названием книги послужила строка из стихотворения Ш. Бодлера.

Я не случайно указал объём сборника: он уникален уже тем, что это самая объёмистая антология русских переводов французской поэзии, собранных в одной книге, и одновременно — это самый большой объём переводов французской поэзии, сделанный одним переводчиком: в книге собрано более 256 стихотворений 57 поэтов.

Разумеется, всех сколько-нибудь известных поэтов Франции за 800 с лишним лет существования её великой литературы — а их, этих поэтов, наберётся более 1000 — не сможет вместить ни одна антология; и всё-таки в сборнике переводов Ю. Ключникова представлены все направления и все исторические периоды французской поэзии: есть здесь и средневековые рыцарские баллады, и эпоха Ренессанса, и барочные «Плеяды», и «парнасцы», и «проклятые поэты», и широкий диапазон поэтов XX в. (сюрреалисты и представители прочих «измов» декадентства, поэты-коммунисты, поэты Сопротивления, известные поэты-шансонье).

Между прочим, своей дерзновенной смелостью переводчика, берущегося за самые трудные «проекты», Ю. Ключников напоминает мне высокопрофессионального альпиниста, который, пренебрегая малыми вершинами «для чайников», берётся покорять лишь самые высочайшие горные вершины мира.

Но почему — именно с французского?

В уже упомянутой мною книге воспоминаний «Предчувствие весны» он пишет, как, ещё учась в Томском университете, был так очарован французской поэзией, что самостоятельно изучил

французский язык, причём — настолько, что позже, в Москве, подрабатывал профессиональным переводчиком у гостей-французов, а переводами французской поэзии начал заниматься с 1970 года.

Кто-то из великих афористов прошлого сказал, что французский язык создан для объяснения в любви к женщине; я бы добавил к сказанному, что этот язык создан ещё и для того, чтобы писать на нём стихи — настолько он гибок, мелодичен, музыкален. Так, Б. Пастернак в предисловии к своим переводам из П. Верлена пишет о своём восхищении французским языком переводимого им поэта: «В своих стихах он умел подражать колоколам, уловил и закрепил запахи преобладающей флоры своей родины, с успехом передразнивал птиц и перебрал в своём творчестве все переливы тишины, внешней и внутренней, от зимнего звёздного безмолвия до летнего оцепенения в жаркий солнечный полдень».

Однако переводчика с французского неизбежно ожидают большие трудности: во-первых, этот язык за 800 с лишним лет его существования настолько отточен и изощрён сотнями величайших мастеров слова Франции, настолько наполнен намёками, скрытыми цитатами, эвфемизмами, фразеологическими оборотами и имеет столько стилистических, ритмических, фонетических особенностей, что адекватный перевод с него на более «молодые» языки весьма затруднён; во-вторых, поскольку многие крупные русские поэты прошлого, берясь за переводы, отдавали предпочтение именно французской поэзии, то нынешний русский переводчик с французского вынужден соревноваться с ними в мастерстве. Но, на мой взгляд, Ю. М. Ключников в этом соревновании, во всяком случае, не проигрывает. Причём в этой своей работе он явно придерживается совета авторитетного советского переводчика Вильгельма Левика (который, кстати, много переводил с французского): «Главное, чтобы при переводе возникли хорошие русские стихи».

А вот что пишет в предисловии к этой книге переводов Ю. Ключникова Станислав Джимбинов, профессор Литературного института, блестящий знаток мировой литературы и мировой культуры: «...Мастера сложной, зашифрованной поэзии звучат по-русски гораздо прозрачнее, чем в оригинале. То есть переводчик невольно производит расшифровку малопонятных даже для читателя-француза текстов, давая свою интерпретацию их смысла... Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке „тёмных“ мест поэт взял на себя».

Так что — замечьте! — при создании книги переводов «Откуда ты приходишь, красота?» Ю. Ключников использует тот же самый принцип, что и при создании перевода «Гиты»: страстное желание как

можно шире распахнуть двери в мир иноязычной (в данном случае — французской) поэзии, сделать её как можно доступней и понятней для русского читателя!

Мало того, этот сборник заканчивается большой исследовательской статьёй Ю. Ключникова «Пушкин и поэтическая Франция». Казалось бы (судя по названию статьи), что речь пойдёт именно о А. Пушкине и соотнесённости его поэзии с французской поэзией; однако при внимательном чтении её начинаешь понимать, что под «условным Пушкиным» подразумевается вся русская литература, которая (как размышляет далее Ю. Ключников) вместе с А. С. Пушкиным, вступая в XIX в., училась у французской литературы, умудрённой многовековым опытом, необыкновенно разнообразию жанров, глубине разработки тем, простоте и изяществу стилей, виртуозному владению языком; недаром А. С. Пушкин называл Францию «старшей сестрой», которая в начале XIX в. как бы передавала «младшей сестре» — России — эстафету литературоцентричной культуры, и Россия эту эстафету приняла и прочно за собой удержала: тому доказательство — и Золотой век, и Серебряный век русской литературы.

Следующая вершина, взятая Ю. Ключниковым-переводчиком в его подвижнической деятельности, — это создание книги «Караван вечности. Вольные переводы суфийской поэзии VIII–XX вв.» (Москва, издательство «Беловодье», 2016).

В этом огромном, масштабном сборнике (объёмом в 624 страницы) — 500 переведённых на русский язык стихотворений 23 наиболее выдающихся поэтов мусульманского Востока: Ирана, Турции, Закавказья, Средней Азии, — 19 из которых — всемирно известные поэты наиболее плодотворного, «классического», периода, длившегося с VIII по XV в., в том числе Фирдоуси, Хайям, Низами, Саади, Навои и другие, и четверо — поэты «нового времени», XIX–XX вв., в том числе двое из них — известные политические деятели XX в.: турецкий поэт и активный борец за мир в середине XX в. Назым Хикмет (Турция) и — аятолла Хомейни (Иран).

В книге содержится также большая научно-просветительская статья сына Ю. Ключникова, Сергея Юрьевича, философа, психолога, культуролога, кандидата философских наук и автора многих книг по психологии и другим гуманитарным знаниям; в этой статье С. Ю. Ключников подробно и убедительно рассказывает о явлении суфизма внутри ислама и о роли суфизма, благодаря которому в средние века в мусульманском мире развивались наука, медицина, философия, поэзия, в то время как в средневековой Европе все эти явления культуры под давлением догматического христианства едва «теплились»; мало того, благодаря суфизму мусульманский мир сохранил

от полного забвения античные знания, философию, литературу, которые потом, во времена Ренессанса, были возвращены Европе.

Но — удивительное явление! — в средневековом мусульманском мире, казалось бы, суровом и воинственном, особенного расцвета достигла именно поэзия, фундаментом которой явилась древнеперсидская домусульманская культура, так что неслучайно многие суфийские поэты «классического» периода были персами и почти все поэты того периода писали на фарси; причём эта поэзия достигла такого разнообразия поэтических форм (от огромных поэм — до кратчайших, в две строки, философско-поэтических афоризмов) и такого разнообразия поэтических тем: тем жизни и смерти, дружбы и вражды, добродетели и пороков, богатства и бедности, аскетизма, подвижничества и нравственного совершенствования личности, осмеяния глупости и похвалы мудрости, отношения к власти, к красоте мира, страстной любви к женщине и высокой, преображающей личностью любви к Богу, — что эта поэзия не только не могла не влиять на духовную культуру мусульманского населения, но вырвалась за пределы мусульманского мира и повлияла на развитие литературного процесса в ренессансной Европе.

Русскому дореволюционному читателю были хорошо знакомы суфийские поэты-классики — их переводили многие русские поэты, начиная с А. Пушкина и В. Жуковского; А. Фет, например, перевёл около 30 стихотворений Хафиза. Но особенно много переводили и издавали их в советское время. Только в знаменитый двухсоттомник «Библиотека всемирной литературы», изданный в Москве в 70-е годы XX в., вошли 5 томов этих поэтов, причём — объёмом по 500–600 страниц и тиражом по 300 тыс. экземпляров каждый. А кроме того, много издавали их, в том числе и на русском языке, в столицах союзных «мусульманских» республик Баку, Ташкенте, Душанбе. Так что у читателя может возникнуть естественный вопрос: зачем же снова переводить на русский язык давно переведённых поэтов?

На него отвечает примерно следующее в своём небольшом предисловии к названному выше сборнику сам Ю. Ключников: в наше время, в начале XXI в., когда ислам стал важным фактором мировой политики и в то же время появилась опасность проявления в нём радикальных форм, — своим сборником суфийской поэзии автор переводов хотел бы напомнить последователям ислама, что в нём, вместе с другими его формами, есть суфизм — интеллектуальное направление, призывающее к любви и состраданию ближнему, к душевной чистоте и святости, к творению добра, к мудрости, к борьбе человека с низшей природой в себе, в том числе и с природой зла, — все эти темы блестяще осмыслены в суфийской поэзии. Но чтобы они

звучали в его сборнике чётче, автор его, во-первых, выбрал из огромного поэтического наследия суфийских поэтов те произведения, в которых эти темы звучат ярче, предпочитая при этом произведения небольших стихотворных форм; а во-вторых, эти выбранные им произведения он перевёл заново, чувствуя, что его предшественники-переводчики стремились к формальному буквализму переводов, теряя при этом сакральную глубину смысла подлинников; сам он, стараясь наполнить свои переводы этой глубиной, ещё и стремился использовать современный русский язык, понятный простому современному читателю, называя при этом свою работу «вольными переводами».

Кроме того, я бы добавил к сказанному автором сборника, что чтение переводов суфийской поэзии немусульманином раскрывает ему душу мусульманина и делает его ближе и понятней.

Следующая высота, которую «взял» Ю. Ключников-переводчик, — книга «Поднебесная хризантема. 30 веков китайской поэзии» (687 стр., Москва, издательство «Беловодье», 2018).

Однако, прежде чем кратко охарактеризовать её, хотелось бы дать здесь небольшую ремарку: в 70-х гг. XX в. мне довелось читать двухтомник собрания текстов древнекитайской философии, который поразил меня необъятной глубиной текстов; но, помнится, больше всего меня поразила одна цифра, приведённая в предисловии к сборнику: автор его, специалист-китаевед, написал, что из всего необозримого литературного наследия Китая — его поэзии, прозы, философских, религиозных, научных, медицинских трактатов — переведено на русский язык всего около 4%. С той поры я старался следить за переводами с китайского (в первую очередь, разумеется, поэзии и прозы) и, поскольку переводов появилось за это время не так уж много, готов утверждать, что эта цифра увеличилась едва ли на какую-то долю процента. А ведь Китай — наш самый близкий и самый крупный сосед, с которым мы волею судьбы связаны навечно и которого мы просто обязаны уважать и, стало быть, хорошо знать; а ведь мы судим о Китае и китайцах лишь по торговцам на рынках, в то же самое время прекрасно зная, что значит судить о русской нации по русским базарным торговцам и торговкам. А ведь о национальном характере целого народа не расскажет никакая наука — о нём можно судить лишь по художественной литературе: по его поэзии и его прозе. Особенно по поэзии — в силу глубинной эмоциональной и исповедной её сути.

И как же я был рад новой книге, да ещё такой объёмистой и обстоятельной, переводов с китайского, тем более — переводов китайской поэзии (которую сам с удовольствием читаю и собираю в своей библиотеке)!

В книге представлено 400 стихотворных переводов: стихотворений многих и многих великих поэтов периода классической поэзии Китая (длвившегося более 2000 лет— с IV в. до н.э. и по XVIII в. н.э.), 19 стихотворений из сборника древнейших безымянных стихотворных текстов «Шицзин» (из-за седой древности точные даты их сочинения точно неизвестны; предположительно XI–VI вв. до н.э.), а также стихотворений поэтов нового и новейшего времени (XIX–XX вв. н.э.), в том числе— коммунистического лидера Китая Мао Цзэдуна и его соратника Го Можо.

Причём не только в этом антологическом сборнике, но и во всех без исключения остальных подборках переводов каждого автора, в том числе и древнего, предшествуют портрет этого автора (иногда— предполагаемый) и краткая, но весьма при этом содержательная и зачастую содержащая занимательные для читателя подробности биографическая справка; а ведь эти изыскания— тоже огромный труд. Но одних только великих поэтов в Древнем Китае так много, что Юрий Михайлович был, видимо, просто не в состоянии поместить в эту свою книгу переводы всех китайских «великанов» поэзии. А мне жаль, что в ней не представлен ещё и великий полководец и одновременно едкий, ироничный великий поэт Синь Цици (XII в.) с такими, например, его строками:

...А теперь, чашу горечи выпив до дна,
Рассказать я о скорби хочу и... молчу.
О печали поведать хочу, а шепчу:
«Хороша ты, осенней поры тишина».
(Перевод М. Басманова)

Или— поэт Лу Ю (XII–XIII вв.) с такими строками:

...Как чудодейственный меч из Бинджоу,
Я отточил свой стих.
Им по земле провожу, срезая
Осени красоту.
(Перевод И. Голубева)

А вот как отзывается об этой книге Ю. М. Ключникова в предисловии к книге китаевед, доктор исторических наук, профессор мгу З. Г. Лапина: «Средствами русской поэзии с её рифмами и размерами он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китайских мастеров слова. Для меня его волные переводы и переложения, стихи по мотивам лириков Китая, приближающие китайскую поэзию к русской, сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников показал, насколько сакральна поэзия китайцев, даже если речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах». Зинаида Григорьевна Лапина настолько точно и при этом кратко охарактеризовала эту книгу, что мне к содержанию и качеству её, кажется, и добавить нечего.

Однако, кроме переводов китайской поэзии, мне хочется отметить в «Поднебесной хризантеме» ещё один, и довольно большой, раздел этой книги, весьма поразивший меня: переведённые Ю. Ключниковым с помощью стихов так называемые «коаны»— короткие куски текстов великих древнекитайских философов, представляющие собою отдельные мысли или притчи.

Существует мнение, что нынешний Китай, с его нынешней успешной перестройкой экономики, практически вышедшей уже на первое место с мире, с его полутора миллиардным, необыкновенно трудолюбивым, дисциплинированным, сплочённым, патриотически настроенным населением,— результат воздействия на него в течение двух с половиной тысяч лет традиционной китайской философии, и в первую очередь— философии даосизма (основатель которого— Лао-цзы, VI–V вв. до н.э.) и конфуцианства (основатель— Конфуций, или Кун-цзы, VI–V вв. до н.э.), которые значительно повлияли на все остальные философские школы и направления. Причём именно эти философские школы стали известными далеко за пределами Китая задолго до нашего времени.

Если рассказать о даосизме очень коротко, то в сухом остатке окажется, что всё, что окружает человека, не рождается и не умирает вместе с ним; что человек живёт в огромном, бесконечном пространстве и времени, податливом, но неподдаваемом и неодолимом, поэтому он должен соотносить себя с этим пространством и временем и быть скромнее в своих притязаниях.

Конфуцианство— опять же, если уж очень коротко— учит всех правителей: древних императоров и князей, а также нынешних президентов, министров и премьер-министров,— что самое главное богатство нации— это народ, и, стало быть, правитель обязан любить его и заботиться о том, чтобы в его стране не было ни одного нищего и бездомного, чтобы у каждого человека в его стране обязательно был свой кусок земли, дом и семья; кроме того, правитель и его чиновники обязаны воспитывать свой народ в трудолюбии и заботе о своих близких: чтобы взрослые любили своих детей и воспитывали их и обязательно почитали своих родителей, а предков своих превращали в семейных святых и поклонялись им... Мало того, каждый молодой человек в Древнем и средневековом Китае, готовясь к чиновничьей службе, начиная с самой низшей ступени, обязан был сдать строгий экзамен, где, во-первых, он должен был сочинить собственное стихотворение (при этом одновременно проверялись его грамотность и его умение мыслить), во-вторых, проверялось его знание государственных ритуалов и этикета, и, в-третьих, обязательно проверялось знание конфуцианской философии.

И когда я читаю об этом, мне в голову приходит фантастическая мысль: вот бы нашим-то, любившим повоевать, в том числе и со своим народом, древнерусским князьям, а затем длинной галерее царей и советских вождей — да дать бы Конфуция! Думаю, и по количеству населения, и по экономике современная Россия тогда вполне могла бы потягаться с современным Китаем...

Однако зачем было Ю. М. Ключникову перекладывать переводы древнекитайских философских трактатов в стихотворные тексты? — может спросить кто-то. Но я его понимаю: зачастую люди не любят читать серьёзных, нагруженных мыслью текстов, а у некоторых такие тексты просто вызывают отвращение, — в то время как Юрию Михайловичу очень хотелось, чтобы как можно больше русских читателей прочитало и с большей охотой приняло в свою душу эти необыкновенно полезные тексты — в этом ему видится его долг подвижника и просветителя.

Этой же задаче служит ещё один раздел книги — большая статья С. Ю. Ключникова (о которой я уже кратко упоминал выше) «Поэзия в истории Поднебесной»; в этой статье рассказывается об огромной роли в истории Китая его письменной культуры, и в первую очередь — философии и поэзии (которая, в свою очередь, густо пропитана традиционными философскими идеями).

Причём сама книга «Поднебесная хризантема» представляет собою огромную энциклопедию великой истории письменной культуры огромной страны, представляющей собой целую отдельную цивилизацию, какой являлся всегда и является нынче Китай, история которого, не прерываясь (!), длится уже около 5000 лет! — и это ещё одна историческая загадка этой страны. Так, может быть, эта книга отчасти разгадывает эту загадку?

Помнится, в советское время такие книги, как «Поднебесная хризантема», были очень заметными культурными явлениями в нашей стране; на них писали рецензии в серьёзных периодических изданиях; их отмечали престижными премиями. Но чтобы хоть кто-нибудь где-нибудь заикнулся о ней у нас в наше нынешнее время — я об этом не слышал.

И ещё одно замечание по этому поводу. Многие из псевдофилософов и псевдолитераторов в последнее время всё чаще и упорней заявляют, что литература ничему не учит. Однако существуют такие книги, на которых вырастают целые великие цивилизации: на Библии — христианская цивилизация, на ведической литературе и индуистском эпосе — индийская, на книгах древнекитайских философов и поэтов — китайская, на Коране и суфийской поэзии — мусульманская.

Просто книги бывают разными: одни — служат созиданию; другие — разрушают созданное тысячелетним трудом; и бывают книги-пустышки,

каких нынче преогромные количества; и каждый сам для себя выбирает: какие книги писать и какие — читать.

И последняя вершина, которую «взял» Ю. М. Ключников, двигаясь в направлении просветительского подвижничества, — книга его переводов с английского «Уильям Шекспир. Сонеты и поэмы. Поэзия шекспировской эпохи» (вместе с предисловиями и примечаниями — 677 стр., Москва, издательство «Беловодье», 2020).

Надо сказать, что имя Шекспира — самое упоминаемое в истории мировой литературы: количество переводов его произведений на другие языки, а также книг и статей, посвящённых его личности и исследованию его творчества, не поддаётся исчислению. Так, список книг и статей, русских и зарубежных, использованных только в упомянутой мною выше книге, составляет сто с лишним наименований. Каждое его драматургическое произведение имеет по несколько переводов на русский язык, начиная с XVIII в., и каждый из его 154 сонетов тоже переведён не однажды, так что невольно может возникнуть вопрос: зачем их множить?

На этот вопрос отвечает сам Ю. М. Ключников в очень серьёзном и доказательном предисловии под названием «Сонеты Шекспира в моём изложении: размышления поэта и переводчика о вольном характере переводов великого барда». Автор предисловия признаётся: несмотря на то, что многие его предшественники-переводчики, в том числе и самый яркий и профессиональный из них — С. Я. Маршак, делали свои переводы превосходно, заставив советского читателя полюбить высокую поэзию великого англичанина, — однако сам он, Ю. М. Ключников, взялся за новые переводы шекспировских сонетов и поэм потому, что, в силу обстоятельств, его советские предшественники были не в состоянии передать их точный смысл: во-первых, обстоятельства не позволяли им в полной мере выразить духовно-религиозный пафос сонетов, который в советское время незаметно подменялся так называемой «общечеловеческой моралью»; во-вторых, существует проблема адресата сонетов — ведь из 154 сонетов только 26 обращены к женщине, 2 сонета обращены к Любви как таковой, в то время как 126 остальных обращены к молодому мужчине, которого автор сонетов называет «другом».

Советские переводчики, в том числе и С. Я. Маршак, или переадресовывают эти «мужские» сонеты женщине — или делают их невнятно-нейтральными в смысле пола, в то время как современная западноевропейская мода однозначно трактует их как воспевание «трансгендерной» темы.

Ю. М. Ключников же, учитывая, что Шекспир жил и работал во второй половине XVI — начале

XVII вв., в эпоху суровой религиозной морали в Британии, твёрдо считает, что поэтическое творчество великого англичанина не могло содержать тем, касающихся человеческой природы «ниже пояса», что в те времена существовал культ одухотворённой дружбы двух мужчин: более образованного и опытного наставника — и молодого, неопытного ученика; именно такие отношения и запечатлены в его переводах «мужских» сонетов Шекспира.

Но есть ещё одна проблема в творчестве Шекспира, о которой рассказывает Ю. М. Ключников и размышляет над ней, — это проблема авторства: и литературоведческая, и переводческая советские школы однозначно воспринимали Шекспира как гениального выходца из «народных низов»; однако после того, как исследователи тщательно поработали с архивными документами шекспировского времени, выяснилось, что актёр и совладелец театра Шекспир был не только малограмотным человеком, но ещё и алчным, жестоким ростовщиком, скупавшим дома и земельные участки, и постоянно судившимся сутягой, что совершенно не совмещается с высочайшей поэзией, блистательным стилевым совершенством, зашифрованностью и скрытыми цитатами его стихотворных текстов, с обширнейшим знанием античной и английской истории в его драматургии. Естественно, и в самой Великобритании, и за её пределами возник вопрос истинного авторства под псевдонимом «Шекспир». Так, британские исследователи находят до 60 претендентов на истинное авторство среди современников Шекспира.

У российских шекспироведов сложилось несколько версий возможного авторства «шекспировских» произведений. Есть своя версия и у Ю. М. Ключникова; вот почему в этой книге, посвящённой переводам сонетов, поэм и некоторых монологов из пьес Шекспира, он делает ещё и переводы многих поэтов шекспировской эпохи, внимательно исследуя при этом, кто из них мог быть анонимным автором под именем Шекспира (или даже это была целая группа авторов?).

Той же теме — поиску истинных авторов шекспировских произведений — принадлежит в этой книге и включённый в неё большой и содержательный очерк-исследование С. Ю. Ключникова «Бездонная тайна Уильяма Шекспира».

Вот об этом постоянном соавторе всех антологических сборников переводной поэзии Юрия Михайловича Ключникова, его сыне Сергее Юрьевиче, хотелось бы рассказать чуть подробнее.

Но сначала — небольшое отступление. В 2015 году, воспользовавшись своей тогдашней должностью руководителя Красноярского регионального отделения Литературного фонда России, а также тем, что 2015 год был объявлен в России Годом

литературы, мне довелось инициировать издание в Красноярске большой книжной серии «Литературное наследие Красноярья», состоящей из 26 крупноформатных томов с произведениями ушедших из жизни писателей-красноярцев, а также писателей, чьё творчество посвящено Енисейской Сибири, при условии, что книги эти вызовут интерес у сегодняшнего читателя. Но условия издания таких книг требуют также обязательного договора на их издание с наследниками ушедших из жизни писателей. При розыске наследников мы ставили себе ещё одну цель — разыскать архивы ушедших из жизни писателей: неизданные рукописи, дневники, записные книжки. . . Однако контакты с большинством этих наследников — очень пожилых уже детей, а также внуков и правнуков — оставляли у нас удручающее впечатление: наследники настолько были заняты собственными жизненными проблемами, делением имущества, переездами на новые квартиры и в другие города, что потеряли почти всё, связанное с жизнедеятельностью своих предков-писателей.

И когда я обнаружил абсолютно во всех перечисленных мною выше книгах Ю. М. Ключникова большие статьи-исследования его сына Сергея Юрьевича, а также его обширные научные комментарии и примечания к текстам его отца, а в последующем познакомился и с ним самим (заочно, с помощью телефона и Интернета), а потом услышал от его отца, Юрия Михайловича, как сын помогает ему работать и совершать ежегодные путешествия по России, — я был просто восхищён такой огромной сыновней поддержкой своего престарелого отца-писателя: кажется, впервые в жизни мне удалось увидеть такую мощную и такую трогательную поддержку писателя своим родственником. В данном случае — сыном.

Не говоря уже о том, о чём я рассказывал в предыдущем абзаце, — я ведь был знаком в своей жизни со многими писателями, в том числе и — с широко известными, и видел, как, старея и становясь немощными, эти писатели теряют свою известность, которая сходит в конце концов на нет — не потому, что творчество их стало вдруг никому не нужно, а только потому, что рядом нет человека или людей, заинтересованных в поддержании реноме творческой личности.

А ведь Сергей Юрьевич Ключников, как я уже писал выше, — учёный-психолог, культуролог и философ, автор многих книг по практической психологии и смежным ей дисциплинам и человек, явно очень занятый своей собственной работой; однако, одновременно со своей основной деятельностью, он ещё и один из основателей и главный редактор московского издательства «Беловодье» — и, стало быть, ещё и издатель, и распространитель книг своего отца Ю. М. Ключникова, и устроитель представительных презентаций его книг.

Мало того, читая уже упомянутую мною выше книгу Юрия Михайловича «Предчувствие весны» — в частности, те главы, где он коротко пишет о своей семье, — я обратил внимание ещё и на то, что супруга его (в браке с которой он живёт уже более 60 лет) начала заниматься живописью, будучи уже взрослым человеком, осуществила с тех пор много выставок своих картин и издала несколько альбомов своей живописи.

И на основе этой информации у меня возникает естественный вопрос: всё это вместе взятое — благополучное долгожительство героя моего очерка, его бодрость и, несмотря на возраст, ясность мысли, его неиссякаемые творческие силы и бесконечное трудолюбие, долгая и гармоничная их с женой супружеская жизнь, общее стремление всех членов семьи к духовно-интеллектуальному труду, — не является ли всё это благотворным результатом влияния на конкретную крохотную социальную ячейку общества, в данном случае — на семью Ключниковых, нравственно-этического учения Живой Этики?

Итак, много лет занимаясь переводами иноязычных поэтических, философских, религиозных текстов, Ю. М. Ключников в конце концов не стал ни идеологом, ни адептом, ни иллюстратором чужой культуры и чужих философских или религиозных учений; впитав в себя все эти учения, идеологии и культуры, он остался русским поэтом и христианином, лишь обогатив свою душу и свой интеллект

и ставши благодаря этому самодостаточной личностью, имеющей собственные твёрдые взгляды на все явления жизни и культуры.

При одной из недавних телефонных бесед с ним вместе с поздравлениями я задал ему банальный и одновременно провоцирующий вопрос: над чем он сейчас работает, и каковы его ближайшие и дальние творческие планы? — и он охотно и решительно ответил мне, что его сборник переводов поэзии Шекспира и шекспировского периода — только часть работы над большой антологией английской поэзии, над которой он сейчас продолжает работать и которую ему бы хотелось поскорей закончить. А там, дальше, есть, конечно, определённые планы поработать и над книгой переводов индийской поэзии, и — американской... — и он лишь посетовал на то, что уже не может, как ещё совсем недавно, сидеть за письменным столом по двенадцать часов в сутки; теперь никак не получается больше восьми...

И напоследок хочется ещё раз, уже письменно, горячо поздравить Вас, Юрий Михайлович, мой дорогой старший товарищ по литературному цеху, со столь высоким юбилеем, выразить своё восхищение Вашими нескончаемыми душевной бодростью, трудолюбием и самодисциплиной и пожелать Вам и дальше, сколько хватит сил, нести свой факел подвижничества и просветительства в наш тёмный век нового варварства, с его безбрежным одичанием и потерей всяческих нравственных ориентиров.